ЕВРОПА 03.10.2019 | Елена Захаренко

Масло в огонь антигендерного движения

Чтобы конкурировать с партиями, ориентированными против «гендерной идеологии», прогрессивным силам нужно порвать с неолиберализмом

Читайте эту статью на английском языке

Приблизительно 30 процентов новоизбранных членов Европейского парламента выступают против репродуктивных прав женщин, гендерного равенства, полового просвещения, однополых браков и Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульской конвенции). Таким образом, в нынешнем составе Европейского парламента удвоилось количество евродепутатов, занимающих антагонистическую позицию в этих вопросах – по сравнению с предыдущим составом, где в эту категорию попадало около 15 процентов парламентариев.

Репродуктивное здоровье и репродуктивные права женщин, права ЛГБТИ, половое просвещение и предотвращение гендерно обусловленного насилия – все эти разноплановые проблемы квалифицируются их оппонентами как часть более широкой проблематики «гендерной идеологии». Это размытое понятие дало возможность противникам прав женщин и прав других меньшинств свести к общему знаменателю ряд неоднородных тем, представив их в виде единого и неделимого пакета, который всесильное лобби феминистического движения и ЛГБТИ якобы навязывает «традиционным семьям».

Это нарастающее явление сбивает с толку многих прогрессивных людей, и они, пытаясь найти ему объяснение, часто прибегают к резко негативной или отступнической риторике, которая на поверку оказывается всего лишь консервативной реакцией на естественное расширение гендерного равенства и прав ЛГБТИ. И все же данный аргумент обладает <link mnenie statja show po-tu-storonu-zhenonenavistnichestva-689>ограниченным разъяснительным

потенциалом, поскольку он не охватывает всех сложных нюансов идеологических установок правых сил и возлагает всю полноту ответственности за их подъем исключительно на электорат с правыми политическими предпочтениями.

Для полного понимания природы этой тенденции прогрессивным силам необходимо задать себе вопрос, который носит скорее саморефлексивный характер: что не так с политической, социальной и экономической системами, где через оппонирование упомянутым выше темам можно склонить на свою сторону не только сторонников ультраправых партий, но и часть избирателей, которые традиционно относятся к политическому центру?

Как уже было доказано, оппонирование «гендерной идеологии» позволяет не только свести к общему знаменателю все те неоднородные случаи, о которых говорилось выше, но и в рамках общей цели сплотить разношерстные силы (от правоцентристских до ультраправых и либертарианских партий), а также различные религиозные движения и консервативные общественные организации.

И действительно, нынешнее пополнение лагеря противников «гендерной идеологии» в Европейском парламенте происходит во многом благодаря значительным успехам «Лиги» Маттео Сальвини, Партии Брексита Найджела Фаража, партиям «Закон и справедливость» Ярослава Качиньского, «Фидес» Виктора Орбана и «Национальное объединение» Марин Ле Пен – тех групп, у которых мало общего с точки зрения их истоков и программ, за исключением общего оппозиционного настроя к упомянутым темам. Большинство этих партий входит в новую ультраправую фракцию «Идентичность и демократия» или же в консервативную евроскептическую фракцию «Европейские консерваторы и реформисты», в то время как «Фидес» и болгарская партия ГЕРБ оппонируют «гендерной идеологии» в рядах правоцентристской Европейской народной партии, а словацкая партия «Курс – социальная демократия» и румынская Социал-демократическая партия являются представителями этой тенденции в рядах «Прогрессивного альянса социалистов и демократов».

Новый виток здоровых дебатов внутри прогрессивного движения

Консервативные силы – при всей своей осведомленности об актуальных разногласиях в рядах прогрессивного движения –

склонны преподносить текущие дебаты внутри движений в поддержку прав женщин и ЛГБТИ как нечто такое, что опирается на однородную и равномерную поддержку со стороны политического мейнстрима. Это позволяет консервативным силам в угоду своим собственным политическим целям создавать ложную дихотомию между собой в качестве поборников «традиционных семей» и прогрессивным лагерем в качестве «гендерных идеологов». Эта картина, однако, представляет в ложном свете происходящее на прогрессивной сцене, как будто там присутствует одна единая и нерушимая позиция, а не пестрый набор движений, активистов, неправительственных организаций, научных и публично-правовых сообществ с особыми и часто несовместимыми мнениями и требованиями. И хотя цели этих движений действительно во многом совпадают, тем не менее по-прежнему остаются открытыми существенные разногласия между различными частями феминистического движения и ЛГБТИ, как это было показано на примере текущих дебатов по поводу определения гендера как некоего социального конструкта, который предписывает ролевые схемы для мужчин и женщин, а также на примере дебатов вокруг острого ощущения собственной идентичности или дебатов о суррогатном материнстве.

В самом феминизме как таковом сталкиваются между собой многие разноплановые течения: в частности, либеральные феминисты находятся в противостоянии с радикальными феминистами на почве трактовки проституции и предоставления сексуальных услуг, а феминисты марксистского и (нео)либерального толка не могут прийти к согласию в вопросах происхождения и преодоления такого явления, как угнетение женщины – является ли оно по своей природе системным социально-экономическим или индивидуальным культурным фактором.

Оппонирование «гендерной идеологии» (в том числе мерам по оптимизации рынка труда) уже оформилось как новая и весьма перспективная форма организации антиэлитарных протестов против неолиберального порядка

Как это ни печально, но в разрезе упомянутого выше подъема оппозиционных настроений в отношении многих факторов прогрессивного движения ответная реакция самого движения свелась к попытке утихомирить все эти внутренние дебаты или создать иллюзию их разрешения в ущерб их качеству. Часто звучат утверждения, что прогрессивное движение не имеет права выворачивать наружу свои внутренние распри на фоне успехов правых сил, дабы не оказаться «полезными идиотами», играющими

на руку своим оппонентам. В результате возникает самоцензура, поскольку разные движения, не желая закрепить за собой репутацию нарушителей единства общего фронта перед лицом внешних угроз, подавляют здоровые дискуссии и создают табуированные темы. Впрочем, данная позиция не способствует ни лучшему пониманию аргументов противоположной стороны, ни надлежащему уровню широких общественных дискуссий, влекущих за собой выработку решений на политическом уровне.

В еще одной своей публикации я писала о том, что предложенные Евросоюзом меры по достижению гендерного равенства нарабатывались с целью оптимизации эффективности рынка труда и экономических результатов всей объединенной Европы, а потому там нет большого интереса к продвижению репродуктивных прав и социальной справедливости. Этот внутриевропейский дефицит нормотворческого влияния проявляется в тех разноречивых и зачастую неубедительных подходах, которые государства – члены ЕС исповедуют при выработке своих внутриполитических курсов в сфере репродуктивных прав. Именно так обстоят дела не только в Польше и на Мальте, но и в Германии, где врачей преследуют в судебном порядке за предоставление информации об абортивных услугах, что стало поводом для пролайферов отнести любое описание процедуры аборта в разряд «рекламы». Из-за этого судебного разбирательства разразились дискуссии по поводу закона от 1933 года, которым вводились ограничения на распространение информации о предоставлении абортивных услуг в Германии – в итоге депутаты бундестага смягчили положения данного закона, но не упразднили его полностью.

Стамбульская конвенция в роли разменной монеты

К этому можно добавить еще и то, что руководящие органы ЕС и государственные институты его государств-членов по-прежнему не демонстрируют рьяного стремления к преодолению сексуального и гендерно обусловленного насилия, а также домашнего насилия (см. жуткую информацию из дел о сексуальном насилии в Испании и Ирландии, которые были на ранних стадиях прекращены местными судами). Национальные подходы государств – членов ЕС к вопросу сексуальной индустрии также отличаются тотальной непоследовательностью, начиная со скандинавской модели, которая вводит уголовную ответственность за приобретение сексуальных услуг в Швеции, и заканчивая упразднением уголовной ответственности в Дании и легализацией приобретения сексуальных услуг в Германии и Нидерландах. В дополнение к хроническому

гендерному неравенству в разных уголках ЕС налицо экономические противоречия между странами, из которых приезжают женщины для занятия проституцией, и странами с высокой потребностью в сексуальной индустрии. И даже легализационная модель не снимает эти противоречия: она, как выяснилось, повышает спрос на сексуальные услуги, а также поочередно поддерживает и миграцию женщин, и торговлю женщинами по маршруту «страны Центральной и Восточной Европы – западная часть ЕС».

ЕС предпочитает оставаться в стороне от большинства этих тем, делая заметное исключение лишь для борьбы с насилием в отношении женщин. Однако сегодня усилия ЕС в этом направлении пробуксовывают из-за действий национальных властей в его собственных государствах-членах, в том числе в странах с умеренно-центристскими политическими предпочтениями. В начале этого года Болгария (правоцентристское правительство) и Словакия (левоцентристское правительство) дружно отказались ратифицировать Стамбульскую конвенцию – стратегический документ, разработанный для наращивания государственных мер по борьбе с мужским насилием в отношении женщин и обеспечению более высокого уровня защищенности для жертв насилия.

Эти решения были приняты на фоне общественных протестов против «гендерной идеологии» (а в случае с Болгарией имеет место отдельное решение Конституционного суда о признании Конвенции неконституционной). В рамках этих протестов практически не затрагивалась тема борьбы с насилием в отношении женщин, но при этом выдвигались обвинения в отношении Конвенции, что она является инструментом идеологической пропаганды и не признает различий между мужским и женским полом – очередная претензия из разряда тех, которые прямо опровергаются определением гендера, данным в Конвенции («социальные роли, поведенческие модели, формы деятельности и характерные черты, которые в отдельно взятом обществе считаются подобающими для женщин и мужчин»).

Все эти события придали новый импульс для теперь уже нервных попыток ЕС добиться ратификации Стамбульской конвенции силами общеевропейских институтов – в условиях неусыпной бдительности оппонентов «гендерной идеологии», вызванной письмом более чем 300 неправительственных организаций (преимущественно пролайфовского толка). Эти организации заострили внимание на том, что ЕС дает свою собственную интерпретацию Стамбульской конвенции, и эта интерпретация, как создается впечатление, определяет «гендерно обусловленное насилие» вне рамок текста данной Конвенции (например, мужское

насилие в отношении женщин) и сводит это понятие к «насилию в отношении какого-то лица по причине пола этого лица, а также его гендерной идентичности и гендерного самовыражения».

Разочарованность в неолиберальной концепции глобализации

Почему феминистическое движение и ЛГБТИ подвергаются нападкам со стороны противников «гендерной идеологии» и как этим движениям обеспечить себе достаточный уровень общественной поддержки в условиях текущих разногласий в их рядах и между ними, а также слабой заинтересованности или неспособности ЕС приступить к решению целого набора ключевых вопросов в области гендерного равенства? Кажется, что это признак разочарованности в центристской «политике без рывков и потрясений», равно как и в безальтернативно неолиберальных политических курсах ЕС и национальных правительств соответствующих стран, а также в тех ценностях, к которым они декларируют свою приверженность.

Оппонирование «гендерной идеологии» (в том числе мерам по оптимизации рынка труда) уже оформилось как новая и весьма перспективная форма организации антиэлитарных протестов против неолиберального порядка. Это прекрасно иллюстрируется растущей неудовлетворенностью либеральной демократией и ее ярко выраженной ориентацией на права человека и защиту прав меньшинств в сочетании со скудными социальными и экономическими гарантиями для широких слоев населения. За примерами этой тенденции далеко ходить не нужно – их можно найти в самых разных точках земного шара, начиная с Бразилии и США и заканчивая такими западноевропейскими государствами, как Франция и Испания.

Упорствование в продвижении неолиберального политического курса в экономике и сфере занятости при непрерывном выхолащивании социальных резервов –

В странах Центральной и Восточной Европы «гендерная идеология» стала средством для выражения неприятия европейской <link regiony evropa statja show vlast-vmesto-morali-829>иерархической структуры Восток – Запад и несбывшихся обещаний по поводу капиталистических трансформаций. И действительно, при всех заверениях в том, что политика строгой экономии и рыночная либерализация позволят данному региону «наверстать» Запад, регион по-прежнему

вот что в первую очередь привело к росту общественной поддержки у противников мер по обеспечению равенства

демонстрирует отставание в экономическом развитии и уровне жизни своего населения по сравнению со «старыми» государствами – членами ЕС. Вместо решения этой проблемы потоком лились нравоучения по поводу «правильных» установок и ценностей – нередко с менторскими нотками в голосе. Избиратели не признают ценностей гендерного равенства и прав ЛГБТИ, как это часто утверждается, не по причине цивилизационной «отсталости», а по причине того, что озабоченность, которую влиятельные неолибералы демонстрируют по отношению к правам различных социальных групп, насквозь пронизана двуличным лукавством – и это ощущение не исчезает до тех пор, пока природа этих прав не начинает приобретать четкие социальные или экономические очертания.

Прекрасной иллюстрацией тому является упорное стремление ЕС рассматривать активность женщин на рынке труда как индикатор гендерного равенства или «эмансипации». Подобная логика хорошо вписывается во всецело неолиберальную модель управления, которая утвердилась в ЕС и которая (особенно во времена демографического спада) требует от женщин как участия в оплачиваемой занятости, так и задействования их (неоплачиваемых) репродуктивных способностей и репродуктивного труда для поддержания системы в функциональном состоянии. Этот идейный посыл транслируется преимущественно через инструменты, основанные на суждениях о ценностях, или через нормотворческие инструменты: одним из главных методов достижения гендерного равенства является обеспечение равного участия женщин в рынке труда. Чем больше структура занятости трудовых ресурсов в какой-то стране отличается от этого идеала, тем больше этой стране придется «наверстывать» для вхождения в клуб развитых или продвинутых «старых» государств-членов – и что с того, что расширенные возможности женщин из западноевропейских стран обеспечиваются за счет (часто малооплачиваемой и неурегулированной) деятельности по уходу и лечению, осуществляемой женщинами из стран Центральной и Восточной Европы.

Подобная модель трудоустройства через «делегирование полномочий» полностью расходится с тем опытом, который многие польские женщины получили на неолиберальном рынке труда,

сформированном после осуществления всех сопутствующих трансформаций. И действительно, их трудовой опыт сложно назвать эмансипационным – они, будучи низкооплачиваемым и низкоквалифицированным обслуживающим персоналом на промышленных предприятиях, влились в ряды тех, кто тянул на себе лямку последствий дерегуляции рынка труда в результате реформ 1989 года.

Что нужно делать прогрессивным силам

Наряду с огромным количеством других мер по обеспечению дополнительной социальной защиты для женщин и семей польская партия «Право и справедливость» (ПиС) вместе со своим правительством презентовали флагманскую программу «Семья 500+», которая гарантирует безусловную ежемесячную выплату наличной денежной суммы в размере 120 евро на каждого ребенка, начиная со второго, а для семей в особенно тяжелом финансовом положении – начиная с первого. Это позволило некоторым из этих семей выбраться из тяжелых условий современного рынка труда, а популярность данной партии среди женского населения не заставила себя долго ждать.

Вместе с Вероникой Гржебальской нам удалось обосновать, что мощная поддержка женщин в отношении ПиС и ее социальных программ проистекает как раз из этих программ, идущих навстречу прагматичным интересам женщины в обществе с неолиберальным политическим курсом; эта поддержка позволяет также получить определенное представление о том, почему данная партия, ориентированная против «гендерной идеологии», продолжает оставаться привлекательной для большого количества избирателей, набрав 45,4 процента голосов на выборах в Европарламент в мае 2019 года.

Если прогрессивные политические движения желают вернуть себе утраченный электорат, который сейчас все больше перетекает на сторону партий, развернувших войну против «гендерной идеологии» (будь то вследствие занятой ими позиции или вопреки ей), то они должны серьезно задуматься над тем, какую роль в сложившемся статус-кво реально играет неприятие современного неолиберального мирового порядка, а не оппонирование правам отдельных социальных групп. Упорствование в продвижении неолиберального политического курса в экономике и сфере занятости при непрерывном выхолащивании социальных резервов –

вот что в первую очередь привело к росту общественной поддержки у противников мер по обеспечению равенства.

Более того, избиратели не чувствуют достаточного признания и представительства своих интересов, когда народные чаяния задвигаются на задний план, когда горячо дебатируемые вопросы преподносятся как решенные и не подлежащие дальнейшим обсуждениям и когда на любую критику точки зрения прогрессивных сил, звучащую из их же рядов, навешивается ярлык подрывной деятельности «полезных идиотов» в пользу правых. Любая политическая программа, стремящаяся дать этой тенденции обратный ход, должна реагировать на эти проблемы и предлагать политические шаги, направленные на системное удовлетворение социально-экономических потребностей в сфере гендерного равенства и последовательную поддержку разных групп меньшинств.

Елена Захаренко
Брюссель

Елена Захаренко является ученым и экспертом в области политологии. Круг ее интересов охватывает сексуальное и репродуктивное здоровье и соответствующие права, гендерное равенство, права женщин и социальную справедливость. Она автор исследования о мобилизации пролайферов в Европе и ее влиянии на формирование политического курса ЕС (2017 г.), а также является соавтором публикаций Фонда им. Фридриха Эберта The Future of the European Union: Feminist Perspectives from East-Central Europe и Triumph of the women? The Female Face of the Populist and Far Right inEurope.